

Угнетеніє психики воиновъ артилерійскимъ огнемъ.

(Военно-психологическій етюдъ).

Въ цѣляхъ изученія психологическаго состоянія солдата во время боя подполковникъ Mangiarotti Onorato ¹⁾ лично опросилъ нѣсколько тысячъ солдатъ, вернувшихся изъ Ливіи.

Изъ такихъ разспросовъ на поставленную нами тему выяснилось:

«Въ высшей мѣрѣ тягостное ощущеніє испытывали люди при нахожденіи подь огнемъ непріятеля и при невозможности отвѣчать ему тѣмъ же...»

«Неподвижность подь огнемъ сопряжена съ самымъ тягостнымъ ощущеніємъ...»

«...Положеніє, по общему мнѣнію, сейчасъ же облегчалось и подъемъ духа обнаруживался немедленно, какъ только начиналось движеніє...»

¹⁾ «Rivista militare italiana» 1914 г., февраль, по рефер. «Военнаго Сборника» за іюнь 1914 г.

Какъ видно изъ изложеннаго, эти изслѣдованія подполковника Margiaratti Onorato даютъ на поставленный вопросъ лишь обобщенный выводъ, но не даютъ и даже не касаются болѣе детальнаго психологическаго описанія душевнаго состоянія находящихся подъ артилерійскимъ огнемъ.

Наши, приводимые ниже суммированные рассказы, полученные въ Русско-японскую войну отъ непосредственно испытавшихъ это состояніе бойцовъ, рисуютъ душевное состояніе подъ артилерійскимъ огнемъ въ слѣдующемъ изложеніи.

I. Подъ выстрѣлами въ окопахъ вмѣстѣ съ другими людьми.

«Летятъ артилерійскіе снаряды..., а мы всѣ, *скупившись въ окопахъ*, сидимъ и пережидаемъ, когда они прекратятся...

Всѣ сидящіе *блѣдны; лица ихъ, особенно глаза какіе-то тревожные...* Всѣ съ напряженіемъ прислушиваются, когда зашипить въ воздухѣ летящій снарядъ и гдѣ онъ разорвется?

Лишь только заслышится шипѣніе снаряда сердце болѣзненно сожмется: весь задержишь въ томительномъ ожиданіи... и только звукъ разрыва снаряда, долетающій до ушей, заставитъ невольно вздрогнуть встѣмъ тѣломъ и въ то же время подскажетъ: ну, слава Богу, этотъ миновалъ!

Вздохнешь свободнѣе... И снова до болѣзненности напрягаешь слухъ—не зашипитъ ли гдѣ пролетающій снарядъ.

И вновь... при пролетѣ болѣзненное замираніе сердца, ожиданіе, гдѣ онъ разорвется...

Звукъ разрыва... рѣзкое вздрагиваніе встѣмъ тѣломъ и мысль, что и этотъ пролетѣлъ благополучно...

Въ это время всѣ сидятъ *молча*, блуждающе посматривая другъ на друга, но *въ разговоръ никто не вступаетъ*. Онъ не клеится. Да какъ-то и не подходитъ разговаривать въ это время. Какой либо шутникъ вздумаетъ острить..., но его никто не поддерживаетъ; да и *шутка, кажется, плоской и несмѣшной*.

Какое-то *щемящее, тяжелое состояніе на душу*—въ сердцѣ. Состояніе настолько непріятное и тяжелое, что *въ умъ является мысль прекратить эту тяжесть самоубійствомъ*. Это гнетущее состояніе, не поддающееся точному описанію на словахъ, настолько тягостно для человѣка, что выйти изъ этого состоянія какимъ

угодно путемъ является насущной потребностью. Въ это время *является сильное желаніе быть раненымъ*, чтобы выйти изъ этого тягостнаго положенія.

Многіе, ради шутки, выскакиваютъ изъ окопа или высовываютъ кулаки, иногда надѣвая на руку шапку; иногда поднимаютъ ноги сапогами кверху и... *подъ видомъ шутки и каламбура ищутъ легкаго раненія, чтобы полученнымъ раненіемъ избавиться отъ того неутушаго состоянія*, въ которомъ они находятся...

Такіе поступки въ желаніи легкаго раненія, хотя всѣми участниками понимаются правильно, а именно, какъ желаніе избавиться отъ этого состоянія, но почему-то *въ то время они не осуждаются* и такіе лица *не клеймятся позоромъ*.

Быть можетъ, всякій чувствуетъ, что у него на душѣ тоже.

Черезъ нѣсколько времени такого напряженно опасливаго ожиданія съ тягостно-томительнымъ состояніемъ на душѣ, *реакція* человека на пролетъ снаряда въ видѣ кивковъ головы и стремленія наклонить голову ниже, и общаго вздрагиванія всѣмъ тѣломъ при разрывѣ снарядовъ, *становится все меньше и меньше и подъ конецъ, какъ будто, не замѣчается*.

Человѣкъ погружается въ *апатичное состояніе, состояніе полного равнодушія къ окружающему*, и одно только томительно-щемящее состояніе духа становится еще тяжелѣе.

Иногда блеснетъ въ головѣ мысль, а что же наша артилерія не можетъ заставить замолчать? И эта мысль снова исчезнетъ въ тяжеломъ настроеніи.

Работа въ это время желательна, говорили всѣ пережившіе это положеніе и испытавшіе душевное состояніе въ проведенныхъ условіяхъ.

Мы, говорилъ врачъ, нѣсколько человѣкъ, сидя на мѣстѣ и пережидая обстрѣлъ, должны дѣлать перевязки раненымъ... Странно, что выборъ кому идти перевязывать передается молча, но всѣ понимаютъ...

Во время работы наступаетъ какое-то неопредѣленно-возбужденное состояніе, значительно лучшее и болѣе легкое, чѣмъ ожиданіе безъ дѣла.

По содержанію разсказа, душевное состояніе людей, находящихся подъ артилерійскимъ огнемъ (въ бездѣйствіи) распадается на два отличимыхъ другъ отъ друга періода.

Первый періодъ, который можно назвать *періодомъ возбужде-*

нія, характеризуется сосредоточіемъ вниманія и мыслей на внѣшнихъ явленіяхъ, несущихъ опасность для жизни и психической реакціей на эти явленія въ видѣ вздрагиваній и душевныхъ переживаній. *Второй* періодъ характеризуется находящимися подъ огнемъ, какъ періодъ *апатичнаго* состоянія, состоянія полного равнодушія къ окружающимъ явленіямъ, повидимому, безъ всякихъ мыслей, но съ остающимся томительно-щемящимъ настроеніемъ духа.

Совершается ли переходъ отъ періода возбужденія къ періоду апатичности, или равнодушія, сразу или этотъ переходъ имѣетъ постепенность и извѣстное время теченія? Разсказъ намъ не даетъ отвѣта.

Этотъ недостатокъ дополняетъ намъ слѣдующій разсказъ.

II. Подъ обстрѣломъ одинъ.

Я сидѣлъ въ ямѣ одинъ. Надо мной и вокругъ меня свистѣли пули и рвались снаряды...

Сначала я находился въ возбужденномъ состояніи (періодъ возбужденія описанный выше). Но, потомъ возбужденіе мое стало стихать и въ головѣ появился наплывъ мыслей.

Состояніе подъ обстрѣломъ можно характеризовать слѣдующими моментами, передавалъ мнѣ офицеръ литературно-образованный, пріѣхавшій на войну по собственному желанію.

Первое состояніе: человекъ попавшій въ такія обстоятельства, что жизнь виситъ на волоскѣ, испытываетъ *сильную жажду жизни*.

Желаніе жить настолько сильно, что онъ купилъ бы, или завоевалъ бы себѣ жизнь путемъ преступленій.

Въ эту минуту гложутъ всѣ высшіе принципы и законы нравственности и одно стоитъ въ умѣ — «жить»; жить, во чтобы оно не стоило; чѣмъ бы жизнь не была куплена; *даже цѣною безнравственныхъ поступковъ* (стремленіе къ самоувѣчьямъ, къ легкимъ раненіямъ, описаннымъ выше и къ самоубійству).

Второй моментъ. Жажда жизни, дрожаніе за жизнь; боязнь лишиться ее начинается отходить на задній планъ и въ умѣ начинается возникать *раскаяніе* въ томъ, что сдѣлалъ въ жизни непростительную ошибку, попавъ въ условія лишиться жизни. Клянешь себя за такой непростительный шагъ, приведшій къ такому жал-

кому концу и горько, *горько жалѣешь и сознаешь, что поправить этого нельзя.*

Третій моментъ. А какъ было бы хорошо, думаешь, если бы я остался живъ! я устроилъ бы жизнь на совершенно особыхъ началахъ. Я цѣнилъ бы жизнь, что она сама по себѣ благо и нужно устраивать жизнь благоразумно. Причемъ *рисуются въ голову широкіе и свѣтлыя планы разумной и цѣлесообразной жизни.*

Всплываютъ въ головѣ *воспоминанія дѣтства* и вообще *такіе мелочи жизни*, которыя никогда не занимали сознаніе. Они теперь съ настойчивостью и *неотвязно лѣзутъ въ голову.* Отсюда, отъ дѣтскихъ воспоминаній мелочей жизни, снова проносятся мечты о разумномъ устройствѣ жизни.

Но, *это все проносится быстро и скоро.*

Если это можно назвать однимъ изъ моментовъ, то это самый скоротечный.

Четвертый моментъ. Не замѣтно для себя, планы о будущемъ совершенно исчезаютъ изъ головы и человекъ погружается въ *апатичное, совершенно безразличное состояніе.*

Въ головѣ уже *нѣтъ мыслей*, на душѣ—тяжелыхъ думъ; онъ *сидитъ или лежитъ, не отдавая отчета въ томъ*, и безсознательно, совершенно машинально предается какому либо процессу воспріятія: зрительнаго, слухового, общаго чувства, *безъ всякой высшей мысли и критики.*

Я сидѣлъ среди открытаго поля, въ небольшой ямѣ. Крутомъ рвались снаряды и я ждалъ вотъ-вотъ смерть. Въ эту послѣднюю минуту, когда я ничего не сознавалъ, ни о чемъ не думалъ, я, какъ мнѣ припоминается, машинально слѣдилъ за муравьемъ, какъ онъ тащилъ маленькую соломинку. Прошелъ онъ... букашка... и мои глаза слѣдовали за этой букашкой... Вопросъ: муравей? зачѣмъ онъ здѣсь? Что дѣлаетъ? Зачѣмъ я здѣсь?— не вставалъ. Я воспринималъ, но уже ничего не перерабатывалъ.

Я пришелъ въ себя изъ этого апатичнаго состоянія къ вечеру. Наступила тишина отъ прекращенія стрѣльбы. Долго ли продолжалась тишина при моемъ апатичномъ состояніи не знаю. Но, уже въ темнотѣ я всталъ и пошелъ.

Принятое положеніе. Я находился вначалѣ въ возбужденномъ состояніи. Но, когда появились мечты я, припоминаю, сидѣлъ склоня голову и опершись на правую руку. Потомъ, видимо, голова была наклонена къ землѣ, ибо глаза мои почти упирались въ

землю и передъ моими глазами двигались, то муравьи, то букашки... и я видѣлъ ихъ, но не воспринималъ ихъ сознательно. Припоминается еще и то, я стиралъ со лба песокъ и соръ. Должно быть я упирался лбомъ въ землю. Но, какъ упирался? Зачѣмъ это дѣлалъ? Не помню.

Выводы изъ обоихъ эпизодовъ.

Содержаніе обоихъ этюдовъ, передающихъ душевное состояніе людей, находящихся подъ вліяніемъ тѣхъ же внѣшнихъ воздѣйствій, можетъ быть объединено и для полноты картины представлено вмѣстѣ.

Изъ этого содержанія усматривается, что въ душевныхъ переживаніяхъ участннковъ можно отличать *не только два періода*—періодъ *возбужденія* и періодъ *апатіи*, но, что нужно выдѣлить еще и третій періодъ, періодъ *переходной*, между возбужденіемъ и апатіей.

Если первый періодъ характеризуется сосредоточіемъ вниманія и мыслей на полетѣ снарядовъ, слѣдовательно, на явленіяхъ, несущихъ опасность для жизни и реакціей психики на эти явленія въ видѣ невольныхъ движеній (вздрагиваній) и соответствующихъ душевныхъ переживаній, а послѣдній—третій апатическимъ состояніемъ, состояніемъ, какъ бы замирація мыслей, отсутствія ихъ, то второй *переходной*, стоящей между ними, характеризуется (по второму этюду), какъ періодъ *«мечтаній»*—мыслей, относящихся уже не къ внѣшнему раздраженію полета и разрыва снарядовъ, а къ внутреннимъ мыслямъ (къ *«мечтѣ»*) о своей судьбѣ²⁾, «о годахъ дѣтства» и т. п.

Что же такое первый періодъ, названный нами періодомъ *возбужденія*? Что переживаютъ бойцы въ это время?

Душевные переживанія и внѣшній видъ находящихся въ этихъ условіяхъ описываются такъ:

«Всѣ, скучившись въ окопахъ, спятъ блѣдые... глаза блуждаютъ... Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются, когда зашипитъ въ воздухъ летяцій снарядъ. Лишь только слышится шипѣніе снаряда, сердце болѣзненно сожмется; всѣ замрешь... и звукъ разрыва, долетающій до ушей, заставитъ невольно вздрогнуть всѣмъ тѣломъ».

Итакъ, внѣшній факторъ, какъ причина, вызывающая это состояніе, летяцій снарядъ, несущій опасность для жизни каждаго. Эта причина вызываетъ особое душевное состояніе. Какое?

По *Вильгельму Іерузалеми*⁹⁾: «если въ окружающей насъ средѣ мы встрѣчаемся съ врагомъ, которому приписываемъ *непреодолимую силу*, то чувство, возникающее въ насъ, прежде всего есть *ужасъ* (высшая степень страха).

Летающій артилерійскій снарядъ—сила враждебная, непреодолимая, направленная на нихъ, поэтому и у ожидающихъ пораженія отъ него вызываетъ *ужасъ* (чувство страха).

По проф. *Сикорскому*: страхъ есть ожиданіе близкаго страданія и боли; ужасъ—высшая степень страха. По внѣшнему виду, находящіеся въ страхѣ: блѣдны, дрожать...

Придерживаясь описанія проф. Сикорскаго, мы также должны заключить, что люди, *мысленно ожидающие близкаго страданія и боли* (отъ снаряда), а по внѣшнему виду *блѣдные и дрожащие*, переживаютъ чувство страха.

Итакъ, придерживаясь общаго психологическаго опредѣленія, и мы должны признать, что *люди, находящіеся подъ снарядами и мысленно ожидающие пораженій отъ него, при внѣшнемъ видѣ: блѣдности, дрожанія и стремленія къ скучиванію*, переживаютъ чувство *страха* (ужасъ).

Какъ подтвержденіе того, что находящіеся подъ обстрѣломъ переживаютъ чувство страха, является типичная черта испытывающихъ страхъ—это *удаленіе отъ опасности*, черта, принимающая здѣсь лишь *измѣненный* (патологическій) видъ.

Эта типичная черта страха—*удаленіе* отъ опасности, измѣненная лишь своимъ видомъ, описывается въ первомъ разсказѣ слѣдующими словами:

Въ это время какое-то щемящее, тяжелое состояніе на душѣ, въ сердцѣ. Состояніе настолько непріятное и тяжелое, что *въ умѣ является мысль прекратить эту тяжесть самоубійствомъ*... Въ это время *является сильное желаніе быть раненымъ, чтобы выйти изъ этого тягостнаго положенія*...

Многие, ради шутки выскакиваютъ изъ окопа или *высовываютъ кулаки*, иногда надѣвая на руку шапку; иногда *поднимаютъ ноги сапогами вверхъ и...* подъ видомъ *шутки и каламбура* ищутъ легкаго раненія, чтобы *полученнымъ раненіемъ избавиться отъ того интущаго состоянія*, въ которомъ они находятся... Такіе поступки въ желаніи легкаго раненія... почему-то въ то время не осуждаются и такіе лица не клеймятся позоромъ.

⁹⁾ «Учебникъ психологіи». Пер. съ нѣмецкаго. 1911 г.

Быть можетъ, говорили пережившіе, *всякій чувствуетъ, что у него на душѣ тоже.*

Для насъ не ясно лишь то, *переживаютъ ли люди чувство страха все время обстрѣла снарядами въ одинаковой степени, или же это чувство претерпываетъ колебанія въ своемъ теченіи*, или, быть можетъ, *временами затмѣяется другимъ*, и душевныя переживанія не есть только чувство страха, но, быть можетъ, смѣсь съ другими чувствами?

Нѣкоторыя данныя о томъ, что чувство страха и здѣсь, несмотря на постоянную во все время обстрѣла, какъ бы висящую въ воздухѣ опасность и при блѣдности лица (признакъ страха) претерпываетъ колебанія, мы видимъ изъ признаній: 1) *когда слышится шипѣніе снаряда, весь замрешь въ томительномъ ожиданіи... при разрывѣ вздрогнешь встѣмъ тѣломъ* (признаки страха). 2) *Но когда пролетитъ... вздохнешь свободнѣе... и снова напрягаешь слухъ*—не зашипитъ ли гдѣ летящій снарядъ... Несомнѣнно, здѣсь нѣтъ полной однородности переживаній; въ первомъ случаѣ, острое ожиданіе *неминуемой бѣды*; во второмъ случаѣ—лишь поджиданіе бѣды—она можетъ быть, но вѣдь можетъ и не быть.

Лучъ надежды, можетъ быть, можетъ и не быть, гдѣ ожиданіе неминувости бѣды отсутствуетъ, несомнѣнно измѣняетъ душевное состояніе. *Чувство страха* при неминувости бѣды *затмѣяется* какимъ-либо другимъ *душевнымъ переживаніемъ съ надеждой на минуемость бѣды...*

Это состояніе съ надеждой на благоприятный исходъ, гдѣ представляющаяся бѣда кажется минуемой, мы называемъ *тревогой*, въ пониманіи опредѣленнаго психо-физиологическаго комплекса ³⁾.

Въ *страхъ*, по нашему пониманію, бѣда, опасность, страданіе кажутся *неминуемыми* и *превышающими* наши силы.

Въ *тревогѣ*—бѣда, опасность, страданіе представляются могущими быть, но могущими и не быть; мы въ нихъ *не увѣрены* (абсолютно) и онѣ представляются намъ *минуемыми*.

Описывая тревогу въ опредѣленномъ симптомокомплексѣ я уже и тогда въ «Душевномъ состояніи воиновъ въ ожиданіи боя» ⁴⁾ отмѣ-

³⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. «Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя». «Военный Сборникъ», май и іюнь 1912 г.

Онъ же. «О выдѣленіи чувства тревоги въ самостоятельное чувство». «Военный Сборникъ», апрѣль, 1914 г.

Онъ же. «Чувство тревоги, какъ доминирующая эмоція въ періодъ ожиданія боя». «Военный Сборникъ», ноябрь, 1913 г.

⁴⁾ Онъ же. «Военный Сборникъ», май и іюнь, 1912 г.

тимъ, что у лицъ, находящихся въ тревогѣ, *воображеніе* рисуетъ предстоящія перспективы, то радужно съ благопріятнымъ исходомъ, то печально съ убѣжденіемъ въ нежелательности исхода. Тѣ и другія мысли рѣзко отражаются на организмѣ и сообщаютъ тревогѣ характеръ, то *пріятно-тревожный* съ преобладаніемъ въ воображеніи благопріятныхъ перспективъ, то *тревожно-опасливый* съ преобладаніемъ въ ожидаемомъ перспективъ, несущихъ кажущуюся неминуемую бѣду и опасность.

Тревожно-опасливое ожиданіе (тревогу) авторитетъ психологій, проф. Сикорскій ⁵⁾, а среди военныхъ психологовъ въ настоящее время и А. Дмитревскій ⁶⁾, относятъ къ страху: «тревога представляетъ острое опасеніе или боязнь».

Мы же для страха считаемъ основнымъ положеніемъ—представленіе въ воображеніи переживающаго *неминуемости* надвигающейся бѣды, страданія..., *превышающихъ силы и безъ луча надежды на благопріятный исходъ*. Но тамъ, гдѣ въ сознаніи появляются мысли о *минуемости*, появляется лучъ надежды на благопріятный исходъ, мы подобное душевное состояніе относимъ къ тревогѣ. И разъ въ представленіи о наступающихъ явленіяхъ съ лучемъ надежды преобладаютъ перспективы неблагопріятныя, мы и называемъ это состояніе *тревожно-опасливымъ* ожиданіемъ.

Переходя къ опредѣленію душевнаго состоянія людей, находящихся подъ обстрѣломъ снарядами въ первомъ періодѣ—періодѣ *возбужденія*, мы и думаемъ, что *участники переживаютъ въ моментъ пролета и разрыва снарядовъ чувство страха* (ужасъ). Въ періодъ же между пролетами находятся въ *тревожно-опасливомъ ожиданіи*, которое при болѣе рѣдкихъ и рѣдкихъ пролетахъ можетъ перейти въ тревогу съ меньшей степени опасливымъ ожиданіемъ.

Если же придерживаться взгляда психологовъ, признающихъ тревогу, какъ одну изъ формъ страха, то мы все же должны признать, что находящіеся подъ обстрѣломъ снарядами *переживаютъ чувство страха не въ одинаковой степени, а съ колебаніями*.

Предположеніе наше о смѣшанномъ чувствѣ страха и тревоги.

⁵⁾ Проф. Сикорскій. «Всеобщая психологія». 1912 г.

⁶⁾ «Тревожное ожиданіе—боязливое или опасливое ожиданіе». «Военный Сборникъ», январь. 1191 г.

а не только о колебаніи одного чувства страха, намъ думается, имѣть подтвержденіе и въ томъ внутреннемъ переживаніи, которое участники характеризуютъ словами: «какое-то *щемлящее, тяжелое состояніе* на душѣ, въ сердцѣ... въ умѣ, является мысль прекратить тяжесть самоубійствомъ..., чтобы выйти изъ этого тяжелого состоянія, является сильное желаніе быть раненымъ».

Въ психологической литературѣ я не встрѣчалъ указаній, чтобы отъ чувства страха было *щемлящее, тяжелое* состояніе въ сердцѣ; «*похолодѣніе сердца*», «*стукъ*» сердца—да, но щемлящее, тяжелое—нѣтъ.

А между тѣмъ «тяжесть», «томленіе», «нытье», «щемленіе», являются описательными признаками находящихся въ тревогѣ.

Второй періодъ *переходный*, періодъ «*мечтай*», характеризуется появленіемъ мыслей (и соотвѣствующихъ имъ душевныхъ переживаній), относящихся уже не къ внѣшнему раздраженію—полета и разрыва снарядовъ, какъ несущихъ неминуюмую бѣду и опасность, а мыслями: «о себѣ», «о прожитомъ дѣтствѣ», «о своей судьбѣ», «о лучшемъ и разумномъ устроеніи своей жизни» и т. п., мыслями, неуправляемыми способностью вниманія, а текущими сами собой, что пазывается мечтой.

По словамъ героя второго разсказа, этотъ періодъ рисуется въ такомъ описаніи:

«Кажда жизни, дрожаніе за жизнь, боязнь лишиться жизни начинаютъ отходить на задній планъ (*первый періодъ*).

Въ умѣ начинаетъ возникать *раскаяніе* въ томъ, что въ жизни сдѣлалъ непростительную ошибку, попавъ въ условія... лишиться жизни. Но, *сознаешь, что поправить этого нельзя...* А какъ было бы хорошо... думаешь, если бы я остался живъ... причемъ *рисуются въ голову широкіе и свѣтлыя планы разумной и цѣлесообразной жизни...* Рисуется *воспоминанія дѣтства* и вообще такіе мелочи жизни, которыя никогда не занимали сознанія, а *теперь онѣ льзутъ съ настойчивостью...* (*второй періодъ*).

И далѣе... уже незамѣтно человѣкъ погружается въ апатическое состояніе (*третій періодъ*).

Итакъ, внѣшній факторъ, какъ причина, вызывающая описываемое душевное состояніе (летающій снарядъ несущій опасность для жизни каждаго изъ нихъ), остался тотъ же, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ періодѣ, а мы видимъ, что реакція психики переживающихъ на одно и тоже внѣшнее раздраженіе—другая.

Господствующія мысли въ психикѣ уже не мысли, какъ бы прикованныя къ явленіямъ несущимъ опасность, какъ прежде, а мысли внутреннія—*«мечты»*.

Почему такъ происходитъ?

Психологіей признается, что при неизмѣнномъ и продолжительномъ дѣйствіи *одного и того же раздражителя*, каковымъ здѣсь является полетъ и разрывъ снаряда, вызываемыя имъ однообразныя чувства, непрерывно переживаемыя человѣкомъ въ теченіе длиннаго промежутка времени, начинаютъ ослабѣвать, или иначе, гаснуть.

«Характерное свойство чувствъ состоитъ въ томъ, что при частомъ повтореніи поводовъ, которые ихъ вызываютъ, ихъ интенсивность значительно падаетъ, или, какъ принято говорить, *чувство притупляется*» ⁷⁾.

Однако, признаніе, что чувства притупляются должно быть понимаемо въ данномъ случаѣ не въ чистомъ смыслѣ привычки, или приспособленія къ этого рода явленіямъ, какъ часто бываетъ у насъ въ обыденной жизни, а въ большей степени и особенно въ смыслѣ притупленія чувствъ отъ *ослабленія организма, отъ угнетенія нервной системы*, какъ результатъ *утомленія* (или усталости) *психики*, наступающаго въ человѣкѣ, вслѣдствіе сильныхъ душевныхъ переживаній.

Утомленіе или усталость, обычно, наступаютъ вслѣдствіе работы физической, или умственной.

Находящіеся подь обстрѣломъ, повидимому, не совершаютъ никакой работы «они сидятъ» и лишь «невольнo слѣдятъ за полетомъ и разрывомъ».

Казалось бы, при отсутствіи физической или умственной работы, войны не должны испытывать никакого утомленія. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, *они утомляются въ сильнѣйшей степени* и утомляются не отъ работы физической или умственной, а *отъ работы чувствъ* (эмоцій)—отъ тѣхъ душевныхъ переживаній (страха и тревоги), которыя они испытываютъ, находясь подь огнемъ.

«Работа чувства проявляется въ трехъ формахъ: 1) медленное длительное *настроеніе духа*; 2) *быстро наступающее волненіе, или же, наконецъ*, 3) *внезапно возникающее сильнѣйшее чувство*».

⁷⁾ В. Иерусалемъ, стр. 212. изд. 1911 г.

«Въ случаяхъ *внезапныхъ* сильныхъ чувствъ, физиологическія перемѣны *весьма неблагоприятны* и даже *убійственны* для здоровья (смерть отъ душевнаго волненія) и человѣческой языкѣ (на основаніи данныхъ самочувствія) называетъ эти перемѣны словамъ: *ударъ, потрясеніе* (разумѣется, «нравственный ударъ и нравственное потрясеніе» говорятъ въ своемъ трудѣ проф. Сикорскій ⁸⁾).

Подъ влияніемъ нервнаго утомленія отъ *работы эмотивной*—чувствъ, *дѣятельность высшихъ психическихъ функций: вниманія и памяти* *начинаетъ ослабѣвать*.

Вниманіе къ нынѣшнимъ раздраженіямъ полета и разрыва снарядовъ слабѣетъ. Внѣшнее вниманіе утомлено. Берутъ перевѣсъ мысли—«мечты о себѣ», «о прожитомъ дѣтствѣ», «о своей судьбѣ» «о лучшемъ и разумномъ устроеніи своей жизни и т. п.».

«Иногда блеснетъ въ головѣ мысль, а что же наша артилерія не можетъ заставить замолчать? И эта мысль снова исчезнетъ», говорили пережившіе это состояніе.

Опредѣляя болѣе конкретно чувства людей находящихя въ *переходномъ періодѣ* («*мечтаній*»), мы думаемъ, что участники переживаютъ въ моменты пролета и разрыва снарядовъ тѣ же чувства *страха и тревоги*, какъ и въ первомъ періодѣ, но уже вслѣдствіе 1) *притупленія* чувствъ при однородныхъ раздражителяхъ дѣйствующихъ длительно и 2) вслѣдствіе угнетенія нервной системы отъ утомленія *работой чувствъ*, переживаютъ ихъ *меньше интенсивно и въ менѣе яркой внѣшней формѣ*.

Кромѣ этого, по утомленію вниманія внѣшними раздраженіями, и при мысляхъ, преимущественно «о себѣ» (*мечты*), переживаютъ *раскаяніе, досаду, недовольство своими, жалость къ себѣ*.

При «мечтахъ» о широкихъ и свѣтлыхъ планахъ о будущемъ, при воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, нужно думать, что участники, хотя и мимолетно, но испытываютъ пріятныя чувства.

Третій періодъ—періодъ *апатіи*, или *равнодушія*, наступаетъ, какъ слѣдствіе крайняго угнетенія нервной системы человѣка отъ пережитыхъ душевныхъ волненій (*утомленіе отъ работы чувствъ*) и характеризуется *упащеніемъ всѣхъ высшихъ психическихъ функций: вниманія, памяти, воображенія, разсужденія* и т. п., состояніемъ какъ бы замиранія мыслей, вслѣдствіе чего *получается не-*

⁸⁾ Проф. Сикорскій. Основы теоретической и клинической психіатріи. Изд. 1910 г. стр. 393.

пониманіе окружающей обстановки и полное равнодушіе къ окружающимъ явленіямъ.

Здѣсь, повидимому, гложуть всѣ чувства высшаго порядка и остаются лишь самыя примитивныя—*чувство жизни* вообще.

«Чувство жизни—есть недифференцированная реакція сознанія на раздраженія, дѣйствующія въ окружающей средѣ и внутри тѣла. Это чувство не сопровождается никакими представленіями и еще совершенно смутное, имѣеть, повидимому, хаотическій характеръ.

Нѣчто подобное мы переживаемъ при пробужденіи отъ глубокаго сна, или обморока»⁹⁾).

Душевное состояніе лицъ въ третьемъ періодѣ и можно уподобить лицамъ, находящимся, какъ бы во снѣ, или въ обморочномъ состояніи, съ потерей яснаго сознанія о себѣ, объ окружающемъ, о мѣстѣ и времени.

Психика переживающихъ этотъ прежній періодъ характеризуется въ слѣдующемъ описаніи.

«Черезъ нѣсколько времени напряженнаго, опасливаго ожиданія съ тягостно-томительнымъ состояніемъ на душѣ... *человѣкъ погружается въ апатическое состояніе, состояніе полного равнодушія къ окружающему* и одно только томительно-щемящее состояніе духа становится еще тяжелѣе»....

«Незамѣтно... *человѣкъ погружается въ апатическое, совершенно безразличное состояніе.*

Въ голову уже нѣтъ мыслей, на душѣ тяжелыхъ думъ; онъ сидитъ или лежитъ, не отдавая отчета въ этомъ и безсознательно, совершенно машинально, предается какому-либо процессу воспріянія: зрительнаго, слухового, общаго чувства. безъ всякой высшей мысли и критики....

... Въдѣ я ничего не сознавалъ; ни о чемъ не думалъ, говорилъ пережившій это состояніе, я, какъ мнѣ припоминается, машинально слѣдилъ за муравьемъ, какъ онъ тащилъ маленькую соломинку.... Прошелъ онъ... букашка.. и мои глаза слѣдили за этой букашкой. Вопросы—муравей? Зачѣмъ онъ здѣсь? Что дѣлаеть? Зачѣмъ я здѣсь?—не вставали: *я воспринималъ, но ничего не перерабатывалъ».*

⁹⁾ В Иерусалемѣ, стр. 45.

III. Вліяніе занятія, работы на душевныя переживанія людей, находящихся подъ обстрѣломъ.

Въ приведенныхъ разказахъ мы не имѣемъ подробныхъ описаній вліянія работы, или вообще движеній, на душевныя переживанія людей подъ обстрѣломъ. Но и тѣ краткія данныя, которыя мы имѣемъ представляются весьма цѣнными и *подтверждаютъ фактъ благотворнаго вліянія работы, или вообще движеній на психику воиновъ, находящихся подъ обстрѣломъ.*

Наши краткія данныя говорятъ о вліяніи работы на психику людей подъ обстрѣломъ въ слѣдующемъ описаніи:

«Работа въ это время желательна, говорили всѣ переживавшіе душевное состояніе въ приведенныхъ условіяхъ. Во время работы наступаетъ какое-то неопредѣленно возбужденное состояніе, значительно-лучшее и болѣе легкое, чѣмъ ожиданіе бездѣла».

Эти данныя стоятъ въ полномъ согласованіи съ изслѣдованіями Margiarotti Onofaio: «Въ высшей степени тягостное ощущеніе испытываютъ (воины) при нахожденіи подъ огнемъ непріятеля и при невозможности отвѣчать ему тѣмъ же».

«Неподвижность подъ огнемъ сопряжена съ самымъ тягостнымъ ощущеніемъ».

«Положеніе сейчасъ же облегчалось, и подъемъ духа обнаруживался немедленно, какъ только начиналось движеніе»....

На основаніи изложеннаго о психикѣ воиновъ, находящихся въ бездѣйствіи, подъ артилерійскимъ огнемъ мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Обстрѣлъ артилерійскими снарядами вызываетъ у людей, находящихся подъ его дѣйствіемъ, сильныя душевныя переживанія страха (ужасъ) и тревоги, которые своимъ дѣйствіемъ, вызывая утомленіе, угнетаютъ психику воиновъ.

2. Душевныя переживанія, какъ *работа чувствъ*, несмотря на полное отсутствіе физической и умственной работы въ данное время, вызываютъ своимъ послѣдствіемъ *утомленіе организма*, которое при длительномъ обстрѣлѣ все болѣе и болѣе усиливается и въ свою очередь *угнетаетъ психику* челоуѣка до полной разбитости, на подобіе лицъ, находящихся во снѣ, или въ обморочномъ состояніи.

3. При одномъ и томъ же внѣшнемъ воздѣйствіи (обстрѣлъ снарядами), продолжающемся долгое время, душевныя переживанія находящихся подъ обстрѣломъ разнятся во времени и находятся въ зависимости отъ вызываемаго артилерійскимъ огнемъ угнетенія организма чрезъ утомленіе.

4. Утомленіе же (какъ результатъ сильныхъ переживаній—работы чувствъ), ослабляя нервную систему, сообщаетъ переживаніямъ людей особенности, которая для наибольшей ясности могутъ быть подраздѣлены на три періода: 1) періодъ *возбужденія*, 2) періодъ *переходной, или «мечтаній»* и 3) періодъ *апатіи, или равнодушія*.

5. Въ началѣ обстрѣла—въ періодъ *возбужденія*, когда мысли сосредочены на внѣшнемъ раздраженіи, несущемъ опасность—пролетѣ и разрывахъ снарядовъ, воины переживаютъ въ моменты пролета и разрыва снарядовъ чувство страха (ужась); въ періоды же между пролетами находятся въ тревожно-опасливомъ ожиданіи.

6. Какъ характерная черта при чувствѣ страха—*удаленіе отъ опасности*, въ данномъ случаѣ принимаетъ *измѣненный* (патологическій) *видъ*: находящіеся подъ обстрѣломъ стремятся удалиться изъ сферы опасности подъ видомъ легкихъ раненій, или же стремленіемъ къ самоубійству (обычно неприводимыхъ въ исполненіе).

7. Въ *переходномъ* періодѣ—періодѣ «мечтаній», когда утомленіе начинаетъ сказываться угнетеніемъ высшихъ психическихъ функцій, и, когда мысли переживающихъ, помимо внѣшняго раздраженія, начинаютъ вращаться въ воспоминаніяхъ «о себѣ» (появляются «мечты»), воины переживаютъ: 1) тѣже чувства страха и тревоги, но лишь менѣ интенсивно и въ менѣ яркой внѣшней формѣ (ослабленныя вздрагиванія), вслѣдствіе—а) притупленія чувствъ и б) вслѣдствіе угнетенія, нервной системы отъ утомленія. Кромѣ нихъ люди переживаютъ: 2) чувства раскаянія, досады, недовольства своими, жалости къ себѣ и т. п.

8. Въ періодъ *апатіи или равнодушія*, когда, вслѣдствіе тяжелаго угнетанія всей нервной системы, высшія психическія функціи: памяти, вниманіе, соображеніе и т. п. гложуть, мысли отсутствуютъ; люди находятся въ полусознательномъ состояніи, на подобіе сна, или обморочнаго состоянія, и испытываютъ лишь случайное чувство жизни безъ осмысленной реакціи на окружающія явленія.

9. Работа, или вообще движеніе, облегчаютъ душевное состояніе людей, находящихся подъ обстрѣломъ; при работѣ наступаетъ по словамъ пережившихъ, «возбужденное состояніе», болѣе пріятное и болѣе легкое, чѣмъ ожиданіе безъ дѣла.

Д-ръ Г. Шумковъ.

